

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. В. Козловский

Социологический диагноз
как интегральная оценка культуры
и общества

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kozlovsky.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

- Ахиезер А.С. Россия — расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1.
- Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
- Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. 213 с.
- Козловский В.В., А.И. Уткин, В.Г. Федотова. Модернизация: от равенства к свободе. СПбГУ: Изд-во СПбГУ, 1995. 280 с.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. XL, 548 + 583 с.
- Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 5–28.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России: К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 39–51.
- Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. 1993. № 20. С. 5–105.
- Федотова В.Г. Трансформация «другой Европы». М.: Институт философии РАН, 1997.
- Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993.
- Цивилизация, культура, личность / Под ред. В.Ж. Келле. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 244 с.
- Черняк Е.Б. Цивилиография: Наука о цивилизации. М.: Международные отношения, 1996.
- Шкаратан О.И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 49–62.

В.В. Козловский
(СПбГУ, СИ РАН, С.-Петербург)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта № 07-03-00475а.

Понятия «диагноз» и диагностика по отношению к объектам социологии и самой социологии, представляются, на первый взгляд, метафорой. Термины взяты из медицинского словаря. Диагноз означает описание болезни и выявление симптоматики. Диагностика давно уже входит в состав методов психологии, частично, и социологии. Социологический диагноз предлагается здесь, во-первых, как способ оценивания объектов (тела) культуры, общества, власти, хозяйства, во-вторых, как средство оценки теоретических и эмпирических методов социальных исследований.

Основной вопрос заключается в возможности встречного социологического диагноза изучаемой социальной и культурной реальности, предмета исследования и средств его познания. Проблема не нова. Насколь-

ко изоморфны (проницаемы друг для друга) реальность, сформулированный исследователем предмет и методы изучения. Социологический диагноз, по-нашему мнению, позволяет дать целостное объяснение и интегральную оценку реальных типов общества и культуры, накопленного исследовательского инструментария и материала.

В научной литературе социологический диагноз тематизирован по отношению к современности, но, как отмечает У. Шиманк, «в конечном итоге все рассматриваемые здесь социологические диагнозы современности занимаются интеграцией современного общества» (Шиманк 2001: 44). Следуя этой традиции, можно утверждать, что социологический диагноз современного российского общества и культуры направлен на изучение и измерение их (дез)интеграции. Теоретически проблема общих оснований и типологии современных культур представлена в различных моделях развития современных культурных практик и моделях социокультурной интеграции.

Многие социологические теории не включают элемент самодиагноза и саморефлексии. Они опираются на логически взаимосвязанный круг постулатов, понятий, образов, следствий, поэтому вполне самодостаточны и малопроницаемы для критики, как со стороны внешнего для теории событийного ряда, так и других концепций. Ситуация мультипарадигмальности в социальных науках не случайна. Базовые концепции являются, как правило, независимыми научно-исследовательскими программами. Они существуют автономно в качестве картины мира, инструмента теоретического анализа, научной доктрины и идеологии вполне конкретного научного сообщества, которое выдвигает и отстаивает свою парадигму как истинную систему научного понимания общества.

Существующая неопределенная ситуация в оценке современного российского общества и культуры прямо отражается на состоянии социальных наук в России целом, и в особенности на содержании исследовательских направлений, стратегий и программ, разделяемых и отстаиваемых российскими учеными. Можно выделить несколько характерных течений, в которых располагается практически весь корпус российских социальных ученых.

По отношению к происходящим переменам в современном российском обществе в исследованиях традиционно присутствует элемент социальной и политической ангажированности. Их позиции располагаются на спектре от позитивного (доходящего до апологии), критического (направленного на ревизию способов реформирования) до негативного (полного неприятия перемен). Налицо, безусловно, ценностное самоопределение ученого, которое служит фундаментом его аналитической деятельности, явно или неявно входит в состав презентуемого им экспертного знания и социальной информации, наконец, связывает узами солидарности с идейными соратниками его локального профессионального сообщества. Внеценностное отношение к обществу и культуре как объек-

там исследования в данном случае либо отсутствует, либо занимает подчиненное положение. Следствием такого основанного на ценностных принципах расклада научных сил является весьма выраженная тенденциозность в социологическом диагнозе современного российского общества и культуры. Интегральная научная оценка социокультурных процессов и институтов подменяется набором оценочных суждений. В последние 10–15 лет сформировались и окрепли группы, исповедующие идеологизированную по существу доктрину социальных наук советского периода, и что более важно, группы, проповедующие синтез социальных наук с религией (например, православием) и теологией. Ведущим фактором подобного центробежного движения от научного этоса является кризисное состояние российского общества, социальная и культурная поляризация, утрата прежних ценностных оснований повседневной жизни. Между тем это серьезный симптом критического состояния социологического сообщества и недостаточной способности социологов объяснить, понять и оценить складывающийся в России социокультурный порядок.

Социологический диагноз современного общества и культуры невозможен без использования накопленного отечественного архива и наследия, а также растущих потоков социальной информации и систем социогуманитарного знания в России и за рубежом. По этому поводу в рядах российских социологов существует не менее серьезное размежевание. В поисках надежных опор теоретических изысканий, эмпирических и прикладных исследований ученым приходится крайне избирательно подходить к выбору «своих» предтеч и теоретиков-основателей. Без подобной идейно-теоретической укорененности любая социологическая школа или группа оказывается на поверку беспочвенной, что напрямую ведет к утрате фундамента для каких-либо основательных оценок социальной и культурной реальности. Соответственно, это ведет к падению культурного капитала в академическом поле и в глазах общественности. Анализ растущих публикаций и материалов публичного характера показывает необычную активность и напористость различных, в том числе неформальных социологических сообществ в соперничестве за признание в профессиональной и общественной среде. Лозунг «назад к ...» означает на практике не возврат к основам, а присвоение и конвертацию идейного наследия предшественников. Отвержение какой-либо научной концепции по идеологическим мотивам также является нормой научного поведения. Для тех ученых, кто в большей мере доверяет зарубежным социальным теориям, символом «своих и чужих» становится используемый понятийный аппарат, объяснительные конструкции и репертуар инструментов социогуманитарного познания.

По отношению к методологии, теоретическим и эмпирическим средствам изучения общества и культуры наблюдается не менее пестрая картина позиций. За ней скрывается, с одной стороны, методологическая растерянность российских исследователей, с другой — объективная труд-

ность свободного выбора как проблематики, так и оптимальных подходов и методов раскрытия сложнейших вопросов современности. Готовых ответов и рецептов нет. Следовательно, на первое место исподволь выдвигается проблема эпистемологии, т.е. уже работающих систем знания, а за ней проблема обоснования адекватного концептуального и категориального аппарата. Эффективность эпистемологии и методологии социологического диагноза в высокой степени зависит от выбранного проблемного поля, используемого багажа социальных знаний, а также адаптированной к российской действительности методологии исследования.

В период предклассического развития социологии в XIX в. уже наметились основные траектории разделения теоретического социального знания в зависимости от мировоззрения, академических позиций и ценностных ориентаций ученых. Общество модерна порождало принципиально разные научно-исследовательские программы от позитивизма до марксизма. Социология приобрела общественно значимый статус как инструмент изучения и проектирования социального устройства, то есть легитимировалась как средство научного программирования общества. Структурно-функционалистская парадигма, включая неофункционалистскую версию, структуралистская теория вполне хронологически совместимы с феноменологической парадигмой. Каждая теория апеллирует к обозначенному ею предмету, т.е. сегменту социальной реальности. Более того, существует национальная специфика возникновения и развития той или иной социологической доктрины. В национальной школе складываются свои традиции приверженности или неприятия какой-либо теории. Попытки построить мегатеорию наталкиваются на непреступные стены окаменной парадигмальности и сконструированного теоретического образа реальности.

В течение XX столетия это развитие оставалось неизменным, хотя иллюзии научного утопизма постепенно исчезали. Академическая компонента хотя и доминировала, но все больше уступала место социально-политической, а затем культурно-цивилизационной ангажированности. Общество модерна с его национально-государственным устройством, массовой культурой и массовым потреблением со временем заметно слабело. Его реликты присутствовали лишь в неравномерности экономического и социального роста развитых и развивающихся стран. Во второй половине прошлого века установка на объективное наблюдение реального общества сменилась признанием значимости традиций социального структурализма и феноменологии в понимании социальной и культурной истории. Национальные социологические школы оказались в патовой ситуации, поскольку они выросли в условиях парадигмы индустриального общества, утратившей свою силу к концу века.

Глобализация и общество постмодерна потеснили прежние академические традиции методологического индивидуализма, системной теории и структурализма. Для понимания пестрого развития современного об-

щества недостаточно прежнего концептуального богатства. Необходима его полномасштабная ревизия, первым шагом которой может стать обстоятельный социологический диагноз. Он может быть направлен на: а) выявление сформировавшихся экономических, социальных и культурных доминант, определяющих смысл и дух эпохи; б) описание уникальности типов дифференциации современных обществ; в) выяснение форм и способов социокультурного взаимодействия трансформирующихся современных обществ в условиях глобализации; г) составление симптоматики общественного развития на основе меняющихся моделей природопользования и потребления; д) определение основных параметров жизненных траекторий, моделей социального действия современного человека; е) соотнесение смысловых структур повседневного опыта с конститутированными в социальной науке стандартами жизни; ж) обнаружение инноваций, аномии и аномалий современного общества.

Революция субкультур и потребительских культур сменила естественный ход, этнических, национальных и национально-государственных культур. Сместился фокус смыслового существования индивида. Доступность новых культурных образцов оказала, в духе концепции Норберта Элиаса, формирующее воздействие на структуру социального и экономического действия. Сексуальная революция завершается гомогенным браком, т.е. легитимируется табуированная раньше культура гендерных отношений. Сексуальная культура выдвигается на первый план, становится публично признаваемой.

Меняется вектор культуры. Традиционные религиозные и конфессиональные регулятивы, бытовавшие в повседневности образцы ослабевают. Происходит заметное смещение центра тяжести от доминировавших еще недавно центрированной стандартами нормативной культуры и эталонами творчества к диффузной децентрированной культурной среде. Этот сдвиг можно, на первый взгляд, квалифицировать как понижение уровня культуры, продолжение ее массовизации, деградацию. Более того общее снижение качества культуры как творчества и как ценностно-нормативного регулятора доходит до своей крайности — обесцениванию (нейтрализации) культуры, с одной стороны, и гламуризации — с другой.

Консюмеризм приходит на смену подчиненному положению потребительской культуры. Гипермаркет, макдональдс, стадион, телеэкран, компьютер в широком смысле слова являются символами современного существования. Проблема идентификации все же не исчезает. Она возвращается новой навязанной потреблением огранкой смысла жизни. Политический и экономический каркас, удерживавший и поддерживавший все строение культуры, изнутри меняет свое содержание с национально ориентированного на глобальное. Возникает потребность в мировом языке, мировой экономике, мировом правительстве, мировой религии, мировом праве, мировой науке, мировом искусстве и т.д. Внутренние пространства национальных культур вливаются в среду заново

форматирующихся глобальных и глокальных культур. Вывод, который вытекает из наблюдения этих процессов, заключается в констатации неминимумой модернизации, стагнации и утрате разных пластов российской культуры в начале XXI столетия. Естественное развитие российской культуры едва ли минует общемирового тренда. Социологический диагноз развития российской культуры представляет собой особый интерес. Что умирает в культуре, что приходит на смену, что остается? Спрятаться невозможно. Автономное существование культур завершилось вместе с разрушением государственных, политических и экономических границ. Потоки миграции в разных регионах мира служат прямым доказательством нового перемешивания народов, а соответственно, и культур. Европейская интеграция свидетельствует о динамичном культурном обмене. Так называемая утечка мозгов, интенсивное интеллектуальное обращение в науке и образовании, транснациональные процессы в бизнесе — все это говорит в пользу новой культурной карты. Новые водоразделы на этой карте меняющихся культур неизбежны. Задача сегодняшнего дня сводится к диагностике этих процессов в мегакультуре и субкультурах, так как их описание и объяснение, по моему мнению, позволит понять новые форматы современности российского общества.

Шиманк У. Социологический диагноз времени последних двадцати лет: тезисы об интеграции современного общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 2.

Л.В. Малес
(Киев, Украина)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Современная социология находится в дискуссии не только относительно возможности построения общей социологической теории, но и методологии. Отвечая на постмодерные, феминистские, глобалистские, другие культурные вызовы, она стремится произвести новые принципы, основанием которых называются постмодернистский, гендерный, социокультурный анализ (Гидденс 1993; Айзенштадт; Ловибон 1992). Последний, в свою очередь, апеллирует к социологическому, семиотическому, психологическому или психоаналитическому, другим видам анализа, происходящих каждый из своей интеллектуальной традиции. И имеет на сегодняшний день богатую библиографию.

Появление термина «социокультурный» было обусловлено неполнотой описания реальности словообразованиями на основе каждого из концептов «социальный» или «культурный» по отдельности и стал использоваться в социальных науках в качестве альтернативы этим двум. Как от-